

Столыпинский

вестник

Научная статья

Original article

УДК 343.632

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК ПРЕСТУПНОЕ ЯВЛЕНИЕ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

CYBERBULLING AS A CRIMINAL PERFORMANCE AGAINST MINORS

Панина Людмила Николаевна, студентка 1 курса магистратуры
Юридического института Сибирского Федерального университета
(Красноярский край, Красноярск, ул. Маерчака, 6.), pan.liudmila98@yandex.ru

Lyudmila N. Panina, 1st year graduate student of the Siberian Federal University
Law Institute (6, Maerchaka str., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, Russia),
pan.liudmila98@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматривается феномен такого явления как кибербуллинг. В частности автор предпринял попытку в определении кибербуллинга в отношении несовершеннолетних как деяния, попадающего под основные признаки преступности в современном российском обществе.

Abstract: the article discusses the problem of cyberbullying against minors, in terms of defining it as an act that falls under the main signs of crime

Ключевые слова: кибербуллинг, преступное деяние, виктимность, жертва, агрессивное поведение; буллинг, виртуальное пространство, общественные отношения, интернет-технологии.

Keywords: cyberbullying, criminal act, victimization, victim, violent behavior; bullying, virtual space, public relations, Internet technologies.

Появление виртуальной реальности изменило современную жизнь, наполнив её различными приложениями, позволяющими без ограничений находиться на связи круглые сутки с помощью сети Интернет. На данном этапе это уже неотъемлемая часть нормального существования в современном обществе, так как с каждым годом использование сети Интернет приносит все больше удобств, позволяет быть мобильным в любой точке мира, однако помимо положительных сторон имеются и негативные, которые проявляются в возникновении киберпреступности.

Само понятие «преступность» определяется по-разному, имеет множество трактовок, но общепризнанным понятием является «совокупность целого ряда установленных признаков, каждый из которых содержит её важнейшие особенности, раскрывающие сущность преступности. Таким образом, преступность – это исторически обусловленное, изменчивое социально-правовое явление, образующееся из совокупности всех преступлений, совершенных за определенный промежуток времени и в рамках определенной территории, обладающее при этом свойствами социальной системы – саморегуляцией, саморазвитием и обратным воздействием на общество» [3, с. 62].

На основании приведенного определения через признаки преступности можно раскрыть основные черты кибербуллинга как преступного явления.

Первым признаком преступности является её историческая изменчивость, обусловленная развитием и видоизменением самого общества. Возникновение преступности связано с образованием государства, а именно с разделением общества на классы, которые породили неравноправное распределение благ из-за разного положения в обществе. В связи с этим появилась необходимость установить посредством права запрет на ряд

деяний, нарушающих права и свободы членов общества [4, с. 160]. В свою очередь, это определило содержание преступности как социального явления, зависимого от характера общественных отношений, от конфликтов и противоречий, протекающих в нем в конкретный период развития. Поэтому закономерно, что те или иные общественные процессы, отношения являются детерминантами преступности. В связи с этим уголовный закон изменяется во времени и пространстве вместе с развитием и появлением новых видов общественных отношений. Примером может служить как декриминализация спекуляции, которая была предусмотрена ст. 154 Уголовного кодекса РСФСР, так и появление кибербуллинга. Стоит отметить, что кибербуллинг является видом буллинга, который в свою очередь представляет собой преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы. Первое упоминание буллинга было в работе норвежского психолога Д. Ольвеуса в 1993 году. В последствии этот термин был закреплен в мировом сообществе [1, с. 149], что дало начало научным исследованиям. Первым ввел научный термин «кибербуллинг» канадский педагог Билл Белсей, который в 1997 году дал определение этому явлению в своей работе [13]. Таким образом, буллинг претерпевает изменения со временем и подразделяется на виды.

Стоит отметить, что всемирная сеть Интернет появилась еще в 1969 году, но только в 2003-м году большая часть жителей Европы стали активными пользователями данной сети. Соответственно, с этого момента активно начало развиваться и преступное деяние «кибербуллинг».

«В 2013 году было отмечено, что 89 % российских подростков пользовались Интернетом ежедневно, в будни в Интернете от 3 до 8 часов проводили время 37 % подростков, в выходные – 47 %, занимаясь разговорами через чаты, мессенджеры и социальные сети» [9, с. 144]. В 2020 году данные показатели увеличились. Так, согласно опросу Всероссийского

центра изучения общественного мнения, 65 % подростков (14–18 лет) ежедневно пользуются социальными сетями; взрослые – 35 % [17].

Соответственно, из такого стремительного роста можно сделать вывод, что общество заинтересовано в социальных сетях, а также в целом в возможностях, которые предоставляет Интернет. На данный момент, с учетом эпидемиологической обстановки в стране и в мире, активно набирает популярность дистанционное обучение, но в связи с этим подростки еще больше времени проводят в виртуальной реальности. Стоит согласиться, что в данном случае родителям сложно контролировать выход своих детей в социальные сети, так как именно они являются одним из инструментов дистанционного обучения. Вполне логично, что с ростом активности в социальных сетях повышается и рост кибератак в отношении несовершеннолетних. Так, по данным Института образования ВШЭ, в 2019 году с травлей сталкиваются примерно 27,5 % российских школьников [6]. Сервис мониторинга и анализа социальных медиа «Крибрум» в мае 2020 года сообщил о 3 494 500 российских подростках, подвергшихся кибербуллингу. Причем в половине случаев в травле принимали участие одноклассники жертвы [8]. Имеются данные, что с буллингом в школе «сталкивается каждый третий ребенок. Каждый десятый — молчит о своей проблеме» [5].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что подобные статистические данные свидетельствуют о массовости кибербуллинга, как второго признака преступности.

Масса является мерой величины какого-либо тела, его свойств. В нашем случае массовость определяется множеством. Именно массовость преступности позволяет определить количественные и качественные закономерности преступности, чему способствует анализ статистических данных. В свое время Э. Ферри, опираясь только на первичную статистику и не применяя сложных статистических методов, сделал важный вывод о том, что естественная преступность и преступность по закону постоянно

увеличиваются при более или менее значительных ежегодных колебаниях, которые, накапливаясь, становятся настоящими волнами преступности [4, с. 160].

Например, в январе – мае 2020 года общее количество преступлений в России, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (в сфере компьютерной информации), увеличилось по сравнению с прошлым аналогичным периодом на 85,1 % и превысило 180 тыс. уголовно наказуемых деяний, средств мобильной связи – в 2 раза (более 76,5 тыс. преступлений). За последние пять лет число киберпреступлений в России выросло в 25 раз [11, с. 230].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что кибербуллинг является массовым преступлением и со временем все более распространяется в современном обществе.

Третьим признаком преступности выступает её социальный характер. Он заключается в том, что преступность возникает из конкретных деяний, совершенных против общественных интересов. И виновные лица, и потерпевшие являются членами общества. Преступность связана с процессами, происходящими в обществе, и преимущественно обусловлена социальными предпосылками, а не биологической природой человека. Последствия совершаемых преступлений влияют на интересы общества и на его нормальное функционирование. Данный признак напрямую можно соотнести с кибербуллингом, так как феномен кибербуллинга встречается в различных социальных средах, однако подавляющее большинство случаев травли в глобальной сети приходится на подростковую среду. Кибербуллинг фактически позволяет нападающему обойтись без последствий, то есть избежать физического насилия и уклониться от ответственности. При этом дополнительным «плюсом» кибербуллинга для подростков является то, что можно заниматься травлей, не выходя из собственного дома [14, с. 187]. Кибербуллинг особо привлекателен и тем, что нападающий не видит свою

жертву и ее прямую реакцию, а значит, ему гораздо легче подавить в себе возможное чувство жалости. Принцип снижения социальных реакций характеризует коммуникацию в Сети как менее эмоциональную за счет отсутствия невербальной коммуникации. Коммуникаторы в данном случае не видят друг друга, то есть они не имеют возможности наблюдать за мимикой, жестами, сменой выражения лица, взглядом, положением тела и другими нереальными выражениями состояния. Если до онлайн-коммуникации ее участники были незнакомы, то зачастую и пол, и возраст, и социальный статус собеседника остаются неизвестными. В итоге это может привести к тому, что участники коммуникации становятся более сконцентрированы на себе и меньше задумываются о чувствах, мнениях и реакциях друг друга, что, в свою очередь, ведет к более раскованному и даже агрессивному поведению, сопровождающемуся составлением негативных оценок собеседника [12, с. 20]. Соответственно, можно сделать вывод, что кибербуллинг носит социальный характер, так как нарушает социальные нормы и обладает свойствами общественной опасности.

Преступность как явление имеет уголовно-правовой характер, поскольку объединяет отдельные общественно опасные деяния, признаваемые уголовным законодательством преступлениями. Понятие и виды преступлений определены уголовным законодательством. Это позволяет отграничить преступность от иных видов правонарушений и аморальных поступков. На сегодняшний день ответственность за такое преступное деяние, как кибербуллинг, в качестве самостоятельного состава преступления не предусмотрена в российском законодательстве. Стоит заметить, что в 2019 году в Государственную Думу РФ была представлена инициатива по внесению изменений в УК РФ, но соответствующий законопроект так и не был разработан. Однако отдельные формы кибербуллинга подпадают под ряд составов, предусмотренных УК РФ и КоАП РФ. Например, это ст. 5.61 КоАП РФ, которая включает такое правонарушение, как оскорбление,

содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации либо совершенное публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, или в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных. Данная статья предусматривает наказание в виде наложения административного штрафа на граждан в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на должностных лиц – от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей; на юридических лиц – от двухсот тысяч до семисот тысяч рублей. А также ряд статей УК РФ, а именно: ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», ст. 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью», ст. 128.1 «Клевета», ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни», ст. 138 «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений», ст. 159 «Мошенничество», ст. 163 «Вымогательство», ст. 183 «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну» и некоторые другие [2, с. 95].

Таким образом, можно утверждать, что в России предпринимаются попытки для противодействия распространению данного явления как в части смягчения последствий кибератак, так и принятия нормативных правовых актов, регулирующих поведение субъектов в Интернете и запрещающих интернет-травлю.

Преступность является негативным явлением. Ежегодный преступный вред, который включает в себя физический, материальный, моральный, является значительным и свидетельствует об особо негативном характере преступности. В цену преступности включаются и огромные затраты общества, направленные на борьбу с ней, восстановление справедливости и наказание виновных. Несмотря на то, что кибербуллинг не закреплён в уголовном законодательстве как самостоятельное преступление, само

явление киберпреступности не менее опасно и негативно для общества. Так, последствия кибербуллинга влекут за собой изменения состояния психологического, физического здоровья, а также влияют на социальные навыки личности [10, с. 4]. В отличие от обычного буллинга, где агрессор известен в лицо и его можно попытаться избежать, в киберпространстве преследователь часто анонимен. Жертва не знает, один ли преследователь или их несколько, какого он пола, сколько ему лет и знакомы ли они вообще. Из-за неопределённости состояние жертвы становится тревожным, начинаются фантазии о возможностях агрессора, в связи с этим возникают мысли об уязвимости и незащищенности. На основании этого можно сделать выводы, что больше всего воздействию интернет-травли подвержены малолетние дети и подростки, которое ранее имели травматический опыт или были отвержены внутри семьи. Еще одна проблема в том, что воздействие на жертву может быть круглосуточное, в связи с этим, как правило, возникают проблемы в социализации, так как, попадая под кибератаку, жертва может переживать ситуацию травли как полную потерю возможностей для построения отношений и развития. И стоит сказать, что восстановление жертв после воздействия на них кибератак иногда проходит крайне сложно.

Кибербуллинг имеет свою систему. Так, криминологически значимые аспекты влияния информационного пространства сети Интернет на преступность несовершеннолетних нельзя рассматривать как отдельную проблему, без изучения криминальной обстановки в стране, взаимовлияния различных факторов, причин и условий, способствующих преступности несовершеннолетних. Криминологическое изучение и прогнозирование влияния информационного пространства сети Интернет на преступность несовершеннолетних, определение ее места в структуре детерминантов позволят разработать и внедрить эффективные методы предупреждения преступности несовершеннолетних.

Подводя итог изложенному выше, хотелось бы сказать, что кибербуллинг относительно новое преступное деяние по сравнению, например, с убийством или кражей. Даже несмотря на то, что законодатель не закрепил кибербуллинг как отдельный состав преступления в уголовном законодательстве, были предприняты попытки для внесения законопроекта в Государственную Думу РФ, в дополнение к существующим в УК РФ составам преступлений, попадающих под элементы кибербуллинга. В остальном нет сомнений, что кибербуллинг является преступным деянием, в связи с чем полагаем, что лишь оперативные меры виктимологической профилактики киберпреступлений, которые требуются от субъектов государственной и муниципальной власти, направленные на индивидуальное воспитание несовершеннолетних, повышение уровня правосознания и технического образования в сфере кибербезопасности россиян, помогут свести к минимуму распространение кибербуллинга.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал ВШЭ. – 2013. – № 3. – С. 149.
2. Бочкарева Е. В., Стренин Д. А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – № 1. – С. 95.
3. Воронин Ю. А. Преступность и ее первопричины: криминологическая интерпретация // Вестник ЧелГУ. – 2013. – № 27 (318). – С. 62.
4. Клишков В. Б., Пасынков В. В., Стебенева Е. В. Преступность и ее основные характеристики на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 4 (68). – С. 160.
5. Колесникова К. Каждый третий ребенок сталкивается со школьной травлей [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://rg.ru/2020/12/16/kazhdyj-tretij-rebenok-stalkivaetsia-so-shkolnoj-travlej.html>.

6. Миронова К. Травля в натуральную величину // Коммерсантъ. – 2019. – № 20. – С. 5.
7. РИА новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190306/1551577366.html>.
8. Сахмеев В. Почти 3,5 миллиона подростков в России вовлечены в кибернасилие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20200502-pochti-35-milliona-podrostkov>.
9. Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И., Зотова Е. Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей: результаты всероссийского исследования. – М. : Фонд Развития Интернет, 2013. – 144 с.
10. Черкасенко О. С. Феномен кибербуллинга в подростковом возрасте // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – 2015. – № 6 (52). – С. 4
11. Шалагин А. Е., Идиятуллов А. Д. Трансформация преступности в 21 веке: особенности предупреждения и противодействия // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – № 2 (44). – С. 230.
12. Шевко Н. Р., Исхаков И. И. Особенности проявления кибербуллинга в социальных сетях // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 3. – С. 20.
13. Belsey В. Cyberbullying: An Emerging Threat to the «Always On» Generation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cyberbullying.ca/pdf/Cyberbullying_Article_by_Bill_Belsey.pdf.
14. Cooper A. Sexuaity and the Internet : Surfing into the new millennium // CyberPsychology and Behavior. – 1998. – № 1(2). – P. 187–193.

References

1. Bochaver A. A., Khlomov K. D. Bullying as an object of research and a cultural phenomenon // Psychology. HSE Journal. – 2013. – No. 3. – p. 149.
2. Bochkareva E. V., Strenin D. A. Theoretical and legal aspects of cyberbullying // All-Russian Journal of Criminology. - 2021. – No. 1. – p. 95.
3. Voronin Yu. A. Crime and its root causes: criminological and political interpretation // Bulletin of ChelSU. – 2013. – № 27 (318). – P. 62.
4. Klishkov V. B., Pasyukov V. V., Stebeneva E. V. Crime and its main characteristics at the present stage // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2015. – № 4 (68). – P. 160.
5. Kolesnikova K. Every third child faces school bullying [Electronic resource]. – Access mode: <https://rg.ru/2020/12/16/kazhdyj-tretij-rebenok-stalkivaetsia-so-shkolnoj-travlej.html> .
6. Mironova K. Life-size harassment // Kommersant. – 2019. – No. 20. – p. 5.
7. RIA Novosti [Electronic resource]. – Access mode: <https://ria.ru/20190306/1551577366.html> .
8. Sakhmeev V. Almost 3.5 million teenagers in Russia are involved in cyber violence [Electronic resource]. – Access mode: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20200502-pochti-35-milliona-podrostkov> .
9. Soldatova G. U., Nestik T. A., Rasskazova E. I., Zotova E. Y. Digital competence of adolescents and parents: results of an All-Russian study. - M. : Internet Development Foundation, 2013. – 144 p.
10. Cherkasenko O. S. The phenomenon of cyberbullying in adolescence // Personality, family and society: questions of pedagogy and psychology. – 2015. – № 6 (52). – P. 4
11. Shalagin A. E., Idiyatulloev A.D. Transformation of crime in the 21st century: features of prevention and counteraction // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 2 (44). – P. 230.

12. Shevko N. R., Iskhakov I. I. Features of cyberbullying in social networks // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – No. 3. – p. 20.
13. Belsi B. Cyberbullying: a new threat to the generation "Always in touch". [electronic resource]. – Access mode: http://www.cyberbullying.ca/pdf/Cyberbullying_Article_by_Bill_Belsey.pdf.
14. Cooper A. Sexuality and the Internet: Surfing in the new millennium // Cyberpsychology and behavior. – 1998. – № 1(2). – P. 187-193.

© Панина Л.Н., 2022 Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet» №.6

Для цитирования: Панина Л.Н. Кибербуллинг как преступное явление в отношении несовершеннолетних // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet» №.6